

Литература въ Германіи.

Въ сужденіяхъ о литературѣ современной Германіи никакъ не минуешь политики. Германія—государство съ особеннымъ видомъ милитаризма. Она поглотила больше желѣза и крови, чѣмъ сколько въ состояніи былъ воспринять ея организмъ. Нѣмцевъ стремятся сдѣлать одновременно героями и лакеями, учеными и образованными, просвѣщенными и набожными до ханжества, современными мыслителями и средневѣковыми феодалами. Нѣмцы должны повелѣвать вселенной и вмѣстѣ съ тѣмъ носить намордникъ. И несмотря на всѣ эти противорѣчія, они представляютъ изъ себя, съ военной и политической точки зрѣнія, могущественную массу, народъ, сплоченный желѣзомъ.

Но душа Германіи больна. Покоя нѣтъ, веселье и довольство отсутствуютъ. А въ такомъ состояніи духа люди готовы на все. И вотъ это-то состояніе народа всецѣло отражается на нѣмецкой литературѣ. Вся молодая, свѣжая часть ея находится въ состояніи протеста и подъ надзоромъ. Ни государство, ни имперія, ни народъ, въ античномъ смыслѣ этого слова, не интересуется литературой. Это предоставляется полиціи.

Литература — это свободная мысль, умъ избавленный отъ оковъ и цѣпей. Но развѣ такія понятія могутъ существовать въ странѣ, гдѣ царитъ милитаризмъ и гдѣ все считается неважнымъ внѣ дисциплины. Первый попавшійся тушица изъ солдатъ для милитаризма значитъ больше, нежели изящнѣйшій изъ поэтовъ, самый ограниченный изъ военныхъ болѣе уважаемъ, нежели лучшій изъ романистовъ, какой-нибудь уродъ, титулуемый „Geheim-Rat“, занимаетъ въ обществѣ болѣе высокое положеніе, чѣмъ первый изъ драматурговъ.

Среди правящихъ классовъ литература одобряется только въ томъ случаѣ, если она либо льститъ самолюбію, либо даетъ легкое развлеченіе. Молодые писатели, насколько они проявляютъ характеръ и идутъ по прямой дорогѣ къ правдивости, не читаются высшими классами. Что касается простого народа, то онъ знакомится и интересуется литературой лишь постолько, постолько она потакаетъ его страсти къ социализму и къ другимъ ученіямъ пролетаріата. Такимъ образомъ независимая истинная литература не имѣетъ угла ни въ душѣ массы населенія, ни въ сердцѣ высшихъ классовъ.

Остальная же часть народа — среднее сословіе — имѣетъ еще менѣе общаго съ литературой. Нѣмецкій бюргеръ пьетъ пиво, играетъ въ кости, въ домино, поетъ, бранится, но

не питаетъ ни малѣйшей склонности и никакой любви къ серьезной литературѣ. Бюргеръ питаетъ свой умъ разными постными супами семейныхъ журналовъ или соусомъ такихъ банальныхъ произведеній, какъ книги Юліуса Штинде „Die Familie Buchholz“. И наряду съ этимъ среди молодежи растутъ либеральныя идеи и чѣмъ болѣе давить и душить Германію милитаризмъ, тѣмъ больше либеральныхъ мыслей выливается туда изъ всѣхъ современныхъ литературъ. Быть можетъ, это одна изъ причинъ того, что германская литература носитъ международный характеръ, особенно же драматургія ея. Современная нѣмецкая литература представляетъ собой огромное поле битвы. Произведенія нѣмецкой молодой литературы ничто иное какъ единодушныя крики и стоны страданій отъ грубости. Превъжная литература, изящная, академическая, трактовала объ отвлеченныхъ проблемахъ, сваренныхъ въ сахарной водичкѣ и надушенныхъ голубенькими цвѣточками романтизма. Нынѣшніе молодые поэты смачиваютъ перо свое кровью. Правда, поколѣніе поэтовъ-натуралистовъ не произвело генія, предъ которымъ всѣ преклонялись бы, но оно выдѣлило изъ своей среды смѣлые таланты во всѣхъ отрасляхъ литературы. Правда, вся эта молодежь дѣйствуетъ за одно лишь въ виду общаго врага, а другъ съ другомъ живетъ какъ кошка съ собакой. Берлинцы не хотятъ признавать мюнхенцевъ, вѣнцы смѣются надъ берлинцами, а въ Цюрихѣ есть кружокъ, который объявляетъ войну всѣмъ и всему. Но у всѣхъ у нихъ одна отличительная черта: они всѣ жаждутъ свободы, величія, ненавидятъ филистерство и тиранію и до безумія преданы идеѣ индивидуализма. Каждый изъ нихъ стремится быть „Übermensch“, человѣкомъ-повелителемъ, по ученію Фридриха Нитше.

Берлинъ несомнѣнно политическая и дипломатическая столица Германіи, но центръ умственной и художественной жизни страны находится не на берегахъ Шпрее. Берлинъ огромный городъ труженниковъ; съ 1870 года его развитіе можно признать феноменальнымъ. Его снѣдаетъ горячка прогресса, матеріальнаго роста и власти. Но, несмотря на судорожныя усилія, онъ все же не сдѣлался ни піонеромъ, ни руководителемъ по части высшихъ идей философіи, литературы и искусства. Кромѣ того, Берлинъ вовсе не чисто нѣмецкій городъ; онъ переполненъ такими контрастами, такой грубой смѣсью населенія, что элементы его никогда не составляютъ общихъ единицъ высшаго порядка. Въ этомъ городѣ, болѣе нежели въ какомъ либо другомъ мѣстѣ Европы, умственная жизнь носитъ харак-

терь космополитизма и безначалія. Мы говоримъ о неофициальномъ Берлинѣ, въ которомъ живетъ масса евреевъ. Печать, литература, управление театрами, артистическія, финансовыя и промышленныя агентства почти всецѣло находятся въ рукахъ евреевъ, которые, хотя и отличаются дарованіемъ, образованіемъ, ловкостью, но, именно благодаря этимъ качествамъ въ связи съ расовыми особенностями своими, не могутъ содѣйствовать развитію національнаго духа и способствовать усиленію вліянія Берлина на всю Германію.

Въ художественномъ и музыкальномъ отношеніи первое мѣсто въ Германіи принадлежитъ Мюнхену. Современное движеніе нѣмецкой литературы въ этомъ городѣ вызвало къ жизни журналъ „Die Gesellschaft“. Берлинъ въ данномъ случаѣ отсталъ отъ Мюнхена на 6 лѣтъ. Тамъ основаны болѣе молодыми писателями—по преимуществу евреями—журналъ „Die Freie Bühne“ и нѣсколько другихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ велась жаркая борьба за развитіе современной литературы. Героемъ новаго поколѣнія поэтовъ въ Берлинѣ явился Карлъ Блейбтренъ, сынъ извѣстнаго баталиста-художника Георга Блейбтрена. Этотъ молодой человекъ, весьма даровитый, съ изумительнымъ прилежаніемъ и рѣдкой универсальностью образованія, применилъ къ „Gesellschaft“ и выпустилъ сенсаціонную брошюру „Die Revolution in der Literatur“, которая была первымъ воинственнымъ кличемъ литературной молодежи. Незадолго до этого нѣсколько молодыхъ поэтовъ пробовали привлечь вниманіе литературной публики изданіемъ антологіи: „Характеристики современныхъ поэтовъ“. Они не имѣли успѣха.

Карлъ Блейбтренъ, будучи еще совсѣмъ молодымъ человекомъ, напечаталъ анонимно подъ заглавіемъ „Dies irae“ воспоминанія французскаго офицера о битвѣ при Седанѣ. Книжка эта была переведена на французскій языкъ. На эту удочку поймались нѣмецкія газеты. Думая, что воспоминанія написаны французомъ, они превознесли анонимнаго автора до облаковъ. Когда же потомъ они узнали, что анонимъ—не французъ, а нѣмецъ, похвальные отзывы были значительно ослаблены. Такова ужь особенность нѣмецкой критики: она всегда превозноситъ иностранца надъ соотечественникомъ, если только послѣдній не является официальнымъ лицомъ или особою, слава котораго уже прогремѣла.

Съ выпускомъ въ свѣтъ „Die Gesellschaft“ и „Die Revolution in der Litteratur“, открылась война по всей линіи за новое направленіе въ германской литературѣ. На первомъ планѣ

стояли борцы, сражавшіеся при помощи теорій и критическихъ палицъ. Старики, держась правила „*beati pessidentes*“, считали себя въ безопасности и отвѣчали на нападки академическимъ презрѣніемъ и доктринерской непогрѣшимостью. Но вскорѣ армія молодежи увеличилась и количественно и качественно; явились бойцы, способные создавать не только слова, но и дѣла. Одинъ Блейбтренъ выбрасывалъ противъ враговъ ежегодно по три-четыре тома стиховъ, драмъ, романовъ, историческихъ сочиненій. Всѣ эти произведенія, далеко не одинаковыя по художественному значенію, были полны смѣлыхъ мыслей. Къ несчастію, большая публика его не знала или изъ приличія дѣлала видъ, что не знаетъ его. И это отношеніе филистеровъ закрыло талантливому писателю всѣ входы въ ежедневную прессу.

Затѣмъ лозунгомъ сдѣлался натурализмъ. Каждый понималъ его по своему и только одна добродушная публика единодушно заявляла, что натурализмъ молодыхъ писателей — отвратительное явленіе, которое необходимо уничтожить. Въ дѣло вмѣшалась полиція и привлекла къ суду въ Лейпцигѣ трехъ молодыхъ романистовъ: Конрада Альберти, Вильгельма Валлота и Германа Конради. Всѣ они были осуждены. Конради — талантливый поэтъ-авторъ превосходнаго тома стихотвореній „*Die Lieder eines Sünders*“ — вскорѣ послѣ этого скончался въ ужасной нуждѣ, подкошенный всевозможными лишеніями.

Въ противоположность слащавому воркованію старыхъ рифмоплетовъ, молодые поэты развивали и развиваютъ въ своихъ произведеніяхъ идеи новаго порядка и совершенно отказываются отъ традиціонныхъ границъ, установленныхъ буржуазіей и филистерами. Детлеръ фонъ-Зильенкронъ — первый изъ современныхъ поэтовъ Германіи поэтъ и прославляетъ въ своихъ „*Lieder*“, выпуская ежегодно по тому, рыцарскую независимость художника, а Джонъ Генри, Макэ и Карль Генкель сочинили пѣснь пѣсней социализма. Лучшія поэтическія страницы Макэ и Генкеля были конфискованы. Послѣдній эмигрировалъ въ Швейцарію и оттуда сталъ писать еще болѣе грозныя поэтическія филиппики противъ ненавистнаго милитаризма и клерикализма. Болѣе мирное гуманитарное настроеніе, тоже съ тенденціей социализма, представляетъ небольшая группа берлинскихъ поэтовъ: братья Гартъ, Рихардъ Дэмелъ, владѣющій бичемъ сатиры, и Бруно Вилле — молодой философъ, проявляющій прозорливость, здравомысліе и благородство характера.

Дойдя до такой ступени развитія, молодая германская поэзія вдругъ сдѣлала скачокъ въ экзотизмъ и въ эротическую

болѣзненность, и какъ только въ какой нибудь странѣ появлялся помѣшанный писатель, онъ тотчасъ же находилъ ловкаго подражателя въ Германіи. Въ Берлинѣ эти „поэты-фантазеры“ развелись въ большомъ числѣ и стали шествовать съ трубами и криками „ура!“ Они не только создаютъ новыя „школы“ поэзіи, но основали даже нѣсколько издательскихъ фирмъ. Отто Эрихъ Гарслебенъ, Францъ Гельдъ и другіе молодые таланты Берлина чувствуютъ себя чрезвычайно скверно въ бренденбургской кожѣ и постоянно стараются изъ нея вылѣзти. Они проявляютъ бѣшеный космополитизмъ и интернационализмъ, стараясь выбиться изъ тисковъ германской имперіи.

Въ Вѣнѣ это новое направленіе носить еще болѣе истерическій характеръ, нежели въ Берлинѣ и въ Мюнхенѣ. Послѣдній городъ—вообще самое здоровое мѣсто въ Германіи. Близость горъ, чистый и ясный воздухъ и прекрасное баварское пиво успокоиваютъ нервы. Тамъ поэты, даже страстные индивидуалисты, какъ Бирбаумъ Шарфъ, сохраняютъ здравый смыслъ среди поэтическихъ излишествъ, и даже у такихъ стариковъ, какъ Генрихъ фонъ-Редеръ, замѣтна юношеская свѣжесть.

За то въ Вѣнѣ литература идетъ на всѣхъ парусахъ по теченію истерическаго вырожденія. Любители новыхъ теченій, засѣдая въ своемъ таинственномъ храмѣ—„Café Grinsteidt“ (пользующійся уже болѣе ста лѣтъ извѣстностью, какъ литературный ресторанъ Вѣны)—каждую недѣлю провозглашаютъ по одному новому принципу. Они работаютъ по правиламъ новой техники и благодаря постояннымъ нововведеніямъ впадаютъ въ дряхлость и ребячество. Тѣмъ не менѣе большинство ихъ—люди талантливые, но таланты эти питаются болѣзненной кровью и поддерживаются слишкомъ возбужденными нервами. Главнымъ пророкомъ этой эстетической религіи является Германъ Баръ—одна изъ интереснѣйшихъ фигуръ въ литературѣ. Онъ беззащѣчивъ и кротокъ, циниченъ и сентименталенъ, романиченъ и положителенъ. Къ этимъ противорѣчивымъ качествамъ надобно прибавить еще удивительную виртуозность въ стилѣ и умѣніе блестящимъ образомъ проповѣдывать послѣднее слово въ вопросѣ о чувствахъ. Для учениковъ своихъ онъ пишетъ библію и катехизисъ, разумѣется, для каждаго сезона новыя, для которыхъ словаремъ запасается изъ Парижа.

Вѣчное безпокойство заставляетъ современныхъ нѣмецкихъ писателей бросаться на всѣ отрасли литературы. Почти всѣ

германскіе поэты пишутъ романы, повѣсти и театральныя пьесы. Пишутъ множество и безъ конца. Рынокъ заваленъ произведеніями литературы. Очень немногіе являются исключительно романистами или драматургами или специалистами по трактовкѣ какой нибудь одной темы. Только одна баронесса Сутнеръ, со времени сенсационнаго успѣха ея романа „Die Waffen nieder!“ („Противъ войны“), переведеннаго на всѣ языки, избрала вопросъ о войнѣ своей спеціальностью. Нѣкоторые авторы упорно пишутъ спеціально берлинскіе романы (Максъ Кретцеръ) или мюнхенскіе (Г. Конрадъ). Слѣдуя по стопамъ норвежскихъ писателей Гарбѳрга, Стриндберга и Гансона, которые пользуются въ Германіи такой же извѣстностью, какъ и у себя на родинѣ, германскіе литераторы сочиняютъ романы аналитико-психологическіе, совершенно погружаясь въ дебри психологіи. Но этого рода произведенія не проникаютъ въ публику и извѣстны только въ кругу литераторовъ. Большая публика читаетъ по преимуществу издѣлія крупныхъ фабрикъ романовъ, находящихся въ Лейпцигѣ, Гамбургѣ, Штутгартѣ и другихъ центрахъ литературной промышленности. Кромѣ того, потребности къ чтенію удовлетворяются переводами сенсационныхъ французскихъ романовъ. Романы-фельетоны большинствомъ распространенныхъ газетъ получаютъ изъ-за границы.

Это—переводы, ввозный литературный продуктъ. Въ Германіи постоянно существовали предприниматели, торговавшіе исключительно иностранными романами. Это положеніе вещей не измѣнилось и теперь, при новомъ режимѣ Вильгельма II. Теперь болѣе чѣмъ когда либо національная идея равнозначуща идеѣ успѣха. Правящіе классы предпочитаютъ то, что имъ доставляетъ наибольшую сумму удовольствія, денегъ, вліянія. Будетъ ли эта идея національной, интернациональной или противунациональной—имъ рѣшительно все равно.

Тщетно лучшіе художники Германіи, въ особенности Рихардъ Вагнеръ, старались сдѣлать изъ нѣмцевъ настоящихъ нѣмцевъ. Но наряду съ этимъ удивительно то, что всякое произведеніе, стремящееся очистить германскій характеръ, внести преобразования въ народную жизнь, встрѣчается съ восторгомъ. Послѣдній примѣръ, доказывающій этотъ удивительный контрастъ съ общимъ направлениемъ, произошелъ около двухъ лѣтъ тому назадъ. Книга „Рембрандъ-воспитатель“, написанная нѣмцемъ (онъ скрывалъ свое имя; это—нѣкто Лангбѳнъ изъ Дрездена), выдержала въ короткое время пятьдесятъ изданій и была восторженно расхвалена всей германской печатью. И

все это — за тенденцію національной педагогичи, потому что литературныя достоинства книги были весьма сомнительны.

Тотъ же самый фактъ успѣха наблюдается и по отношенію къ драматическимъ произведеніямъ съ реформаторской тенденціей. До тѣхъ поръ, пока пьесы стараются выяснитъ публикѣ положительныя и отрицательныя національныя качества, онѣ имѣютъ колоссальный успѣхъ. Примѣръ — „Честь“ Зудермана. Но, какъ всегда, и тутъ вступается полицейская власть, которая не приминула воспретить во многихъ городахъ постановку другихъ лучшихъ пьесъ этого же автора, какъ, на примѣръ, „Конецъ Содомы“ и „Домашній очагъ“.

„Протестующіе реалисты“ въ драматической литературѣ — Арно Гольцъ, Шлафъ и Герхартъ Гауптманъ возбудили всеобщій интересъ своими пьесами, поставленными на „Freie Bühne“ въ Берлинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ породили множество скандаловъ. Пьесы Герхарта Гауптмана отличаются искусной фактурой, но горькія натуралистическія истины, высказываемыя въ нихъ, не даютъ этимъ пьесамъ ходу. Изъ всѣхъ молодыхъ драматурговъ Гауптману предстоитъ наиболѣе блестящая будущность.

Литературное движеніе въ Швеціи.

Въ данный моментъ въ Швеціи нѣтъ никакого литературнаго движенія. Оно было и прошло. Началось оно съ 1879 г., со времени напечатанія сатирическаго нравоописательнаго романа Августа Стриндберга „Красная комната“. Книга эта имѣла большой успѣхъ, который является даже не вполне понятнымъ, если не имѣть представленія о культурѣ и характерѣ предшествовавшаго ему времени.

Двадцать лѣтъ назадъ на долю литературныхъ и критическихъ интересовъ въ Швеціи отводилось мало мѣста: всѣ исключительно были заняты политикой и народнымъ образованіемъ. На первомъ планѣ были двѣ идеи: съ одной стороны, такъ называемый, панскандинавизмъ, идея политическаго единства скандинавскихъ государствъ; съ другой — такъ называемое нео-сѣверное возрожденіе, т. е. идея новой культуры, основанная на скандинавской оригинальности и старинномъ положеніи свободнаго крестьянина. Обѣ идеи, весьма тѣсно связанныя одна съ другой, въ сущности, составляли всего одну: политическое и умственное единство и независимость сѣвера. Очагами этого движенія были университеты. Гг. студенты играли въ немъ первую роль. Ака-